

Таборные игры

Театру "Ромэн" – 70 лет

Этот театр и сам по себе не то что редкое, а просто единственное явление, и не оттого лишь, что другого цыганского театра не существует нигде на свете. "Ромэн" уникален своей эстетикой, своим творческим кредо. Наперекор воцарившемуся в наши дни скепсису, неверию в романтику, ранней эмоциональной усталости и унылой иронии, как только дело коснется больших человеческих чувств, "Ромэн" открыто утверждает свою приверженность вечным ценностям и веру в то, что непреходящими останутся радость и боль, счастье нашего пребывания на земле, тоска по какой-то иной, вольной и полноценной жизни.

Только самые старые театралы помнят этот театр, когда он играл в Гнездиновском, там, где когда-то начиналась "Летучая мышь", а сейчас показывают спектакли выпускных курсов РАТИ. Но в "Ромэне" на Дмитровке, в уже не существующем доме, на месте которого теперь стоит здание Федерального собрания, мне случилось несколько раз побывать. В ту пору, лет сорок назад, достать туда билет было практически невозможно, и все-таки мы, студенческая компания, открывшая для себя цыганское искусство благодаря заигранным, исцарапанным пластинкам на 78 оборотов, сохранившим записи Ляли Черной и "белой цыганки" Изобеллы Юрьевой, какими-то образом туда проникли. И внукам своим будем рассказывать, что видели на сцене Марию Скорцову, Ивана Ром-Лебедева, Ивана Хрустаева, тех, кто стал легендой "Ромэна".

Видели и саму королеву – Лялю Черную. Она была уже очень немолода, редко выходила на подмостки, и поначалу могло показаться, что почти ничего не сохранилось в ней от той юной женщины изумительной, уникальной красоты, чей портрет долго висел потом и в фойе нынешнего здания "Ромэна" на Ленинградском проспекте. Но достаточно было одного ее появления, пусть эпизодического, достаточно оказывалось одного жеста, движения плечом, взмаха широкой пестрой юбки, одного звука ее низкого, с легкой хрипотцой голоса – и происходило невероятное: законов бегущего времени более не существовало.

Никому уже не было дела ни до перипетий пьесы, вполне неприятательной, ни до оттенков роли, не слишком богатых. Велика ли важность, что сюжет представления простоват, а характеры выстроены без ухищрений. Ведь все это ничуть не мешало почувствовать – и до чего это остро! – особую магию, которой покорила спектакли "Ромэна" с их обезоруживающей прямотой, открытостью чувств, их пластичностью и музыкальностью, не имеющей

Сцена из спектакля "Бегите, кони, бегите!"

ми аналогов, пожалуй, во всем мировом театральном искусстве. Невозможно забыть ощущение полной и безраздельной вовлеченности в происходящее на сцене, мгновенно, импульсивно возникавшую волну страстного зрительского отклика, когда об изысканной драматургии думалось меньше всего, потому что пел цыганский хор, это чудо артистичности, и на сцене была Ляля Черная, жемчужина тогдашней нации – не бедной талантами – художественной жизни.

До сих пор жалею, что так мне и не удалось увидеть ее в "Трушенике", левском спектакле, по сей день остающемся такой же визитной карточкой "Ромэна", как знаменитый спектакль-обозрение "Мы – цыгане", который объездил полмира. "Трушенику" возобновленную годы спустя Николаем Слинцкем – вместе с 70-летием своего театра он отпраздновал в конце декабря 50-летие артистической деятельности, целиком отданной "Ромэну", – я видел несколько раз, в ней блистали сегодняшние звезды цыганской труппы Илона Морозова и Екатерина Жемчужная, в ней играют молодые актрисы, у которых, верится, большое будущее.

Каждому, кто видел лучшие спектакли "Ромэна", становится понятной, близкой та метафора, которая принадлежит Куприну, сказавшему, что цыганское искусство – это красные розы на снегу. Оно резкое, даже вызывающее контрастно по отношению ко всему привычному и одноцветному, в нем ослепительная красота и хрупкость, неподдельность и нигилистичность, но та, которая не позабудется никогда.

Слова другого классика цитировались так часто, что стал теряться их бездонный смысл. Но для нас, давних зрителей Театра "Ромэн", понятие воли, которая вовсе не синоним свободы, – это намного больше,

чем бездумно употребляемая цитата. Это великая мудрость, каждый раз по-новому постигаемая, когда, вымотанные лихорадочной и чаще всего бесцельной будничностью, мы приходим в зал на Ленинградском. Как все, для кого театр десятилетиями остается важной, если не главенствующей частью существования, я знаю много версий бессмертной толстовской пьесы – и замечательных, и провальных, с выдающимися актерами или с необычными режиссерскими решениями, покоряющих или неприемлемых. Но даже в самых ярких постановках мне трудно посмотреть вторую картину "Жизнь и смерть" все кажется вымученным или просто фальшивым, как бы старательно ни пытались исполнители воссоздать стилистику цыганского пения, цыганской пляски.

Имитация тут попросту невозможна, потому что надо родиться с тем неповторимым восприятием мира, с той особой душевной настроенностью, о которой Федя Протасов говорит, что "это степь, это десятый век, это не свобода, а воля". Александра Львовна Толстая в книге об отце передает то же самое, протасовское чувство, когда описывает тульский цыганский хор, частыми гостями которого были братья Толстые – Сергей и Лев. "Перебирая струны, стоя впереди хора, дирижер вдруг едва заметно поводит головой, и тихо, чуть слышно, одним дружным вздохом поднималась песня... Вдруг спойкою выплывали цыганки, одна, другая. Они шли, то простирая к кому-то руки, то падая вперед, то гордо откинув голову, снова спрыгиваясь назад, дрожа плечами и отбивая четкий. Гости кричали, возбуджение доходило до крайних пределов".

В том старом "Ромэне" на Дмитровке я не раз становился свидетелем примерно таких же сцен, да и сегодня что-то похожее случается

на спектаклях этого театра, на сольных концертах его артистов. И уже за то одно, что театр в самые тусклые советские и самые неустойчивые постсоветские времена сохранил способность воспламенять сердца так, как это умела солистка тульского хора Маша, которая "тела о широкой степи, о потухающей заре, о лихих степных лошадах, о любви", за одну эту верность воле, пронесенную через все наши застои и штормы, "Ромэн" заслужил низкий поклон своих преданных почитателей. Мы-то хорошо знали, как много значило хотя бы напоминание об этой воле, когда даже свобода была превращена в иллюзию, не обманывающую никого. И мы всегда помнили, что такое напоминание могло перевернуть жизнь, как это произошло с графом Сергеем Толстым, который пожертвовал карьерой и будущностью, потому что мечта о прекрасном и недостижимом, слышавшаяся в пении Маши, оказалась сильнее всех примаков, дразнивших блестящего молодого аристократа.

Идут годы, "Ромэн" меняется вместе со временем. Многие из тех, кто составлял его славу, уже покинули наш мир, судьбы других сложились так, что этот театр стал для них только воспоминанием об артистической юности. Репертуар пополняется, а каких-то спектаклей уже не увидят зрители сегодняшнего поколения – и об этом можно только пожалеть. В жизни "Ромэна", как и любого другого театра, выделяется времена счастливые и трудные, случаются удачи и неудачи. Но что бы ни происходило, как бы сложно ни складывалась сегодняшняя история "Ромэна", красные розы все так же пылают на московском снегу.

Алексей ЗВЕРЕВ
Фото ИТАР – ТАСС

Кучерява - 2008 - 24-30 январь - с.9